

Дмитрий Хворостовский: **Он — моя судьба**

Пока у Дмитрия Хворостовского еще нет высоких артистических званий, особых регалий, кроме главных наград всесоюзного и двух международных конкурсов молодых талантов. Но уже сегодня о солисте Красноярской оперы знают очень многие. О нем говорили в превосходных степенях и в нашей стране, и за рубежом как об уникальном таланте, певце «номер один» в современном вокальном искусстве. И как всякая знаменитость, он трудно достижим для общения с прессой, с журналистами, критиками. Не потому, что Дмитрий захворал опасной, хронической печальными последствиями, «звездной болезнью», когда люди перестают замечать окружающего и бережно носят себя по земле. Судя по всему, здесь, в нашей стране, он меньше всего чувствует себя звездой». Наоборот, ему неудобно и неуютно от неустроенности, недостаточной заботы и внимания со стороны тех, кому надлежало бы пестовать и хранить поистине исключительный талант. С ним трудно установить контакт, ибо артист в постоянных переездах из города в город, в мотаниях по гостиницам отнюдь не высшего класса.

На сей раз удается застать Дмитрия Хворостовского в Ялте, в последний день гастрольной поездки. Завтра — переезд в Молдавию. Короткий разговор по «чужому» телефону (в его номере это «высочайшее достижение» современной техники отсутствует). Единственный вопрос Дмитрию: Чайковский — в артистической судьбе.

— Само собой разумеется, этот год начался у меня с Чайковского и завершится им.

И не только, вернее, не столько потому, что я его люблю, что вырос с ним, что он — моя счастливая судьба. Юбилей отмечается во всем мире, и все заявки, идущие из городов, от администраторов, концертных организаций, концертных залов, фирм, именно на его произведения.

Что говорить, Чайковский, его музыка мне близка и очень дорога. Я исполнял ее достаточно много, и вся моя пока, правда, не столь уж богатая артистическая карьера связана с русской музыкой и в значительной мере с операми Чайковского. Да и в концертном репертуаре — арии из «Онегина», «Иоланты», «Черодейки», «Пиковой дамы». Кстати, они записаны с оркестром в Голландии (дирижер — музыкант из Ленинграда Валерий Гергиев) на первой моей большой пластинке из двух частей — оперная музыка Чайковского и оперная музыка Верди, — и, по мнению профессионалов, Чайковский мне особенно удался. Эгонистичный и не сразу прозревающий Онегин, пылкий Роберт, властолюбивый Князь Курлятев, благороднейший Елецкий — это все мои герои, мои образы.

Елецкий, несомненно, сыграл особую роль в биографии: так получилось, что на конкурсе в Тулузе для второго тура я подготовил каватинку Валентина из «Фауста» на французском языке. Но буквально за день до выступления выяснилось, что я пою не подлинный текст, а переведенный с русского на французский. Меня предупредили, что может создаться провальная ситуация, публика заметит это и не примет меня. Пришлось срочно заменить на арию Елецкого.

— Чайковский... Я могу говорить и говорить о нем. Ведь он занимает в моем сердце особое место: это самый близкий, самый родной и самый трудный именно потому, что родной, автор. К родному всегда относишься с особой трепетностью, заботливостью, горячностью, боюсь что-то упустить, чем-то «обидеть».

Чайковского исполняют часто, много. Правда, в основном одни и те же названия из массы сочинений, созданных им. Сложилась «традиция» в трактовке его самых известных произведений. Однако, увы, эти традиции далеко не всегда идут от хорошего начала. И одна из серьезнейших и труднейших дирижерских проблем — отойти от псевдотрадиций и находить то, что хотел сказать сам композитор. Ведь Чайковский — художник такой искренности, чистоты чувства и такой внутренней силы, какой не встретишь, пожалуй, ни у кого другого. Вспомните хотя бы тему любви в его «Ромео и Джульетте» — по-моему, самое вы-

вая дама», которой ца продирижировать лах был выдержанной нагрузки — том, как плакал, Право же, легко по ковая дама» — ведение по драматическим чувствам, по искренним человеческим страстям. Счастливы, что приобрели смертному творению концертное исполнение меня очень много. Словом со всего Союза знать, что на партию было семь актрис!). в большинстве своем очень удачный. Я лучший из тех, что ступили в Большом и после этого принять участие в концертах во Францию свою работу с участием французского режиссера вует легенда о том,

И именно она обеспечила победу — «гран-при».

Меня очень увлекают романсы Чайковского. Разные по характеру, по настроению, по содержанию, по краскам, иные просто уникально красивые и глубокие, — они необычайно ценны для меня, для моего голоса. Но ведь репертуарна лишь мизерная часть того, что создал Чайковский в камерной вокальной музыке. У меня есть полное собрание романсов великого композитора, есть богатейшее собрание пластинок, зафиксировавших голоса корифеев певческого искусства. И я мечтаю заняться камерным исполнительством, включить в свои концертные программы, сделать записи романсов Чайковского, и не тех, что затасканы певцами, что превращены в «шлягеры», а неизвестные, забытые, одним словом, редкие сокровища, которые оставил всем нам — исполнителям, слушателям, — этот несравненный художник. Между прочим, в июле нынешнего года мне предстоит с пианистом Олегом Бошняковичем записать в Англии (на фирме «Филлипс») романсы Чайковского и Рахманино-

ва — программы, недавно исполнявшейся во время моих гастролей в Англию и в США.

Во многих странах мира сейчас идет «Евгений Онегин». Должен заметить, что партия заглавного героя этой оперы не очень легка и удобна для вокалиста. Признаюсь, сколько я ни пел ее, всегда испытывал в заключительной сцене усталость, трудности. Однако трудности необходимо преодолевать, чтобы быть в творческой форме. И пока я молод, пока внешний облик позволяет соответствовать герою, я с удовольствием принимаю все предложения от зарубежных театров. Ближайший из них — в прославленном «Ла Скала». Там же мне надлежит петь и Елецкого в «Пиковой даме», осуществленной Андреем Михайловичем Кончаловским.

Если говорить о дальнейших планах, назову прежде всего работу над итальянской музыкой XVI—XVIII веков. Хочу петь в операх Верди и вообще сколько возможно расширить свой творческий диапазон. Но это в будущем. А нынешний год — Год Чайковского, и ему — все знания, силы. Все сердце и все вдохновение.